

В диссертационный совет МГУ.051.4,
созданный на базе ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13-14, Юридический факультет

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации Круглова Юрия Александровича на тему
«Ограничение прав человека в интересах государственной безопасности
в условиях особых (экстраординарных) правовых режимов:
конституционно-правовое исследование актуальной российской
практики», представленной на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

Актуальность выбранной Ю.А. Кругловым темы диссертационного исследования не вызывает сомнений. С 2020 г. правоприменитель дважды оказывался в положении, когда серьезные ограничения прав человека вводились вне особых правовых режимов, поименованных в законодательстве в соответствующем качестве. Ни режим повышенной готовности периода пандемии, ни средний уровень реагирования периода специальной военной операции до их введения не были закреплены законодателем как самостоятельные экстраординарные режимы с собственным набором ограничительных мер, пределов ограничений и гарантий соблюдения прав человека. Практика здесь сложилась раньше, чем получила теоретическую и законодательную базу, и соискатель предпринял попытку этот разрыв устранить.

По своей структуре диссертация Ю.А. Круглова является логично выстроенным последовательным исследованием. Поставленная во введении цель достигнута, задачи решены в полном объеме. Теоретическая база обширна и включает в себя как общетеоретические работы в сфере философии права, так и более прикладные исследования ограничений прав и свобод человека и гражданина в России. Эмпирическая база включает в себя обширную практику Конституционного Суда Российской Федерации, а также отдельные решения судов Германии по делам об оспаривании ограничительных актов земель в период пандемии COVID-19.

Использованные соискателем методы исследования релевантны поставленным задачам. Все это позволило Ю.А. Круглову получить достоверные и обоснованные результаты. Апробация полученных выводов и положений подтверждена публикациями в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Положения, выносимые на защиту, обладают научной новизной.

В частности, стоит отметить первое положение. Категория «безопасность государства» фигурирует в ч. 3 ст. 55 Конституции России как одна из целей, оправдывающих ограничение прав и свобод человека, и в этом качестве работает как общее основание: сослаться на нее проще, чем показать, какая из защищаемых ценностей поставлена под угрозу. Ю.А. Круглов раскрывает содержание категории «государственная безопасность» через круг защищаемых системных характеристик государства – от суверенитета и территориальной целостности до нормального функционирования институтов государственной власти. Для правоприменителя это меняет саму постановку вопроса: ссылка на государственную безопасность перестает быть самодостаточной и требует указания на конкретную характеристику, которая в данном случае подлежит защите за счет ограничения прав человека.

Одобрения также заслуживает центральная для всей работы идея разграничения институционализированных (типичных) и неинституционализированных (нетипичных) экстраординарных режимов (положение 3) вместе с дифференциацией формальных критериев конституционности на базовый и квалифицированный (положение 2). Режим противодействия COVID-19 не соответствовал даже базовому требованию, поскольку содержание ограничений формировалось региональными подзаконными актами (положение 4). Режим противодействия военным угрозам и террористическим рискам в условиях СВО соответствует базовому формальному критерию конституционности, но не отвечает квалифицированному: специального федерального закона, который назвал бы уровни реагирования, установил их пределы и гарантии соблюдения прав человека, не существует (положение 6 и 7).

Такой подход позволяет более гибко подходить к оценке конституционности особых правовых режимов, что особенно важно в условиях современных гибридных и иных нетрадиционных угроз. Соответствующий подход, в частности, позволил автору разработать обоснованные предложения по совершенствованию законодательства (положения 5, 8, 9).

Отдельно стоит отметить работу с практикой Конституционного Суда Российской Федерации. Автор не ограничился подбором подходящих позиций, а выделил и квалифицировал устойчивую линию, допускающую расширительное толкование полномочий Президента России при противодействии острым чрезвычайным ситуациям, проследив ее от решений 1995 г. до актуальных определений Суда.

Замечаний, которые ставили бы под сомнение выводы работы, у автора настоящего отзыва нет. Приведенные ниже соображения касаются двух положений, которые хотелось бы уточнить.

1. Соответствие формальному критерию конституционности особого правового режима противодействия военным угрозам и террористическим рискам в контексте СВО опирается не только на федеральное законодательство, но и на правовую традицию его толкования Конституционным Судом РФ. Как отмечает автор, в рамках соответствующей традиции КС РФ, начиная еще с «чеченского дела» 1995 г., последовательно расширительно толкует установленные федеральными законами и Конституцией России полномочия Президента России по использованию сил и средств для противодействия острым чрезвычайным ситуациям.

Не размывает ли подобное расширительное толкование со стороны КС РФ сам базовый формальный критерий, который автор определил как требование закрепления ограничений федеральным законом? Почему в данном случае не выдвинуто предложение о совершенствовании законодательства в соответствующей части или о возможных путях более полного соблюдения формального критерия конституционности? Автор полагает достаточным наличие только подзаконных актов Президента России в сочетании с отмеченной им конституционно-правовой традицией?

2. Соискателем выдвинуто предложение закрепить на законодательном уровне понятие дискредитации, которое в целом заслуживает поддержки. Для правоприменителя, впрочем, значима не столько сама дефиниция, сколько ее конструкция. Дискредитация относится к оценочным признакам, и вывод о ее наличии обычно формируется с привлечением специальных знаний, а предмет такого исследования в отсутствие законодательного ориентира задается судом. Общая дефиниция дискредитации этого положения дел не изменит. Рассматривал ли соискатель вариант закрепления не определения, а перечня признаков, при наличии которых можно говорить о дискредитации?

Высказанные вопросы общей положительной оценки работы Ю.А. Круглова не снижают и поставлены сугубо в рамках научной дискуссии.

В целом, диссертация Круглова Юрия Александровича на тему «Ограничение прав человека в интересах государственной безопасности в условиях особых (экстраординарных) правовых режимов: конституционно-правовое исследование актуальной российской практики» соответствует специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Юрий Александрович Круглов заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Старжинская Анна Николаевна
кандидат юридических наук, доцент,
руководитель седьмого отдела
(аналитического сопровождения
следствия) управления контроля за
следственными органами Главного
следственного управления
Следственного комитета
Российской Федерации

(подпись)

Адрес: 105005, ул. Технический переулок, д.2
Тел.: +7 (916) 533-13-50
E-mail: starzhinskaya1983@mail.ru

« 10 » 09 2026 года

Подпись Старжинской А.Н. заверяю
руководитель/кадровый работник

(И.О. Фамилия)

« 10 » _____ 2026 г.
(дата подписания)